

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.030-038

А. В. ТумаковМосковский университет
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.Я. Кикотя
г. Москва, Российская Федерация

Цифровые и виртуальные объекты современного гражданского оборота: к вопросу о разграничении понятий

Резюме. В работе проводится разграничение категорий «виртуальный» и «цифровой» объект гражданского оборота. Выделяются квалифицирующие признаки, позволяющие утверждать о нетождественности обозначенных дефиниций. С позиции сделанных выводов проводится систематизация объектов гражданского оборота в электронной среде. Выделяются цифровые (цифровые права, включая цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права, электронные денежные средства, цифровой рубль) и виртуальные (цифровая валюта) объекты. Обосновывается необходимость установления различного правового режима для выделенных видов. Сравнение правоотношений, складывающихся при обороте «традиционных» и «цифровых» объектов, позволяет выявить сходства и принципиальные различия: взаимодействие осуществляется в информационной среде средством, способствующим осуществлению прав и исполнению обязанностей; субъекты находятся территориально в разных местах и могут иметь разную юрисдикцию; хотя субъекты проходят идентификацию, достоверно установить их личности, как правило, невозможно; на правоотношения могут оказывать влияние субъекты, обладающие правами на информационные площадки (операторы). Круг участников цифрового правоотношения шире «традиционного». В него можно включать и субъекты, осуществляющие доступ к сетевым протоколам и веб-сервисам, и информационных посредников и др. Обосновано, что механизм правового регулирования напрямую зависит от видовой принадлежности объекта гражданского оборота, а не от того, относится ли он к разряду цифровых или виртуальных объектов.

Ключевые слова: объекты гражданского оборота; цифровой объект; виртуальный объект; цифровое право; цифровой финансовый актив; цифровая валюта; электронное денежное средство

Для цитирования: Тумаков А. В. Цифровые и виртуальные объекты современного гражданского оборота: к вопросу о разграничении понятий. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 7. С. 30–38. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.030-038

Digital and Virtual Objects of Modern Civil Turnover: The Issue of Differentiation of Concepts

Albert V. Tumakov,
Moscow University of Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper distinguishes the categories of a virtual and digital object of civil turnover. The author determines qualifying signs that allow us to assert the non-identity of the designated definitions. From the point of view of the conclusions drawn, the paper systematizes objects of civil turnover in the electronic environment. Digital (digital rights, including digital financial assets and utilitarian digital rights, electronic money, digital ruble) and virtual (digital currency) objects are distinguished. The necessity of establishing a different legal regime for

© Тумаков А. В., 2024

the selected categories is substantiated. A comparison of the legal relations that develop during the turnover of «traditional» and «digital» objects allows us to identify similarities and fundamental differences: interaction is carried out in the information environment by a means that promotes the exercise of rights and duties; subjects are located geographically in different places and may have different jurisdictions; although subjects undergo identification, as a rule it is impossible to establish their identity; legal relations may be influenced by entities that have rights to information platforms (operators). The range of participants in the digital legal relationship is wider than the «traditional» one. It can include entities that provide access to network protocols and web services, and information intermediaries, etc. It is proved that the mechanism of legal regulation directly depends on the type of ownership of the object of civil turnover, and not on whether it belongs to the category of digital or virtual objects.

Keywords: objects of civil turnover; digital object; virtual object; digital law; digital financial asset; digital currency; electronic money

Cite as: Tumakov A V. Digital and Virtual Objects of Modern Civil Turnover: The Issue of Differentiation of Concepts *Lex russica*. 2024;77(7):30-38. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.030-038

Введение

Развитие информационных технологий, использование в гражданском обороте цифровых объектов, формирование цифровой экономики стало решающей технологической предпосылкой для разработки нового механизма правового регулирования. Как отметил В. Д. Зорькин, «зарождается новое право, регулирующее отношения в контексте мира цифр и искусственного интеллекта»¹.

Современное право не может не учитывать эту специфику, которую порождает использование в гражданском обороте цифровых объектов.

Право не оторвано от жизни: в основе права лежат социально-экономические условия, которые являются базисом для формирования норм права. Диалектика права заключается в необходимости учета влияния цифровых технологий на возникновение, изменение и прекращение правоотношений. В рамках существующих институтов права необходимо учитывать особенности цифровых правоотношений. Для устранения пробелов должны появляться и новые институты, нацеленные на регулирование исключительно цифровых объектов.

Таким образом, существует двухсторонний процесс. Исходя из того, что цифровые правоотношения имеют традиционную структуру, в ряде случаев возможно встроить их правовое регулирование в существующие институты права при минимальном изменении норм права. С другой стороны, появление новых отношений

непосредственно отражается на правовом регулировании и требует создания новых правовых норм. Таким образом, происходит интерференция права и цифровизации.

В современном мире развитие общества происходит высокими темпами. Процессы, которые ранее занимали десятки или сотни лет, протекают с огромной скоростью. Причиной стремительного развития общества являются колоссальные достижения науки и техники. Следствием этого прорыва стало увеличение объемов информации, создание информационной инфраструктуры, перепрофилирование экономики. Общество, как никогда ранее, остро испытывает потребность в коммуникации, использовании качественно новых программных продуктов, а также увеличении безопасности в цифровой среде. Во многом такие процессы обусловлены глобализацией, следовательно, границы между государствами не являются помехой для общественных отношений, особенно тех, что существуют в контексте мира цифр.

Все указанные выше факторы порождают необходимость создания новой системы правового регулирования цифровых отношений, в том числе имущественного оборота и цифрового имущественного оборота. Однако здесь возникает ряд проблем. Как верно отмечено в научной литературе, «сложность правового регулирования отношений, возникающих и развивающихся в цифровом пространстве, заключается в первую очередь в том, что традиционные способы не всегда можно экстраполировать на виртуальные отношения»².

¹ Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. Столичный выпуск. № 7578 (115). 29.05.2018. С. 2.

² Дерюгина Т. В. О специфике правоотношений в цифровой среде и цифровой личности как новом субъекте // Цивилист. 2024. № 1. С. 5.

В настоящее время в сфере оборота цифровых активов в Российской Федерации появился механизм легальной эмиссии и оборота цифровых активов, однако он является затратным, сложно выстраиваемым для большей доли участников рынка, и в силу этого он будет доступен исключительно профессиональным корпоративным участникам рынка. Не решен и ряд теоретических проблем, в частности: не разграничены понятия «цифровой» и «виртуальный» — как правило, указанные категории используются как равнозначные; не определена природа цифровых и виртуальных объектов, и др.

Включение цифровых активов в комплекс объектов гражданских прав на уровне гражданского законодательства Российской Федерации (прежде всего в Гражданский кодекс РФ³) влечет возможность восполнения пробелов правового регулирования, но не решает ряд проблем правового регулирования их гражданского оборота.

Разграничение дефиниций цифровых и виртуальных объектов гражданского оборота

В научной литературе проблеме специфики гражданского оборота в цифровой среде уделяется значительное внимание. Указывается, например, на наличие не только юридических, но и технических ограничений⁴ (например, отсутствие программного обеспечения и пр.) ; наличие сложностей с определением контрагента, не позволяющих в достаточной мере его иденти-

фицировать⁵; отсутствие пространственно-территориальных ограничений; отсутствие системы принципов, создающих основу для создания правового регулирования отношений⁶. Однако наука не стоит на месте; в частности, предлагается в качестве основного принципа построения системы правового регулирования использовать принцип сетевого нейтралитета и т.п.⁷

Рассуждая о развитии гражданско-правового оборота в контексте построения цифровой экономики, авторы не всегда разграничивают понятия «цифровой» и «виртуальный». Тем не менее эти категории не синонимичны.

«Виртуальный» означает «несуществующий, но возможный, который не имеет физического существования, а реализуется лишь в компьютерных условиях, в фантазии и т.п.»⁸. Применительно к объектам виртуальность означает, что объект изначально был создан в электронно-вычислительной среде и у него нет «копий» в материальном мире⁹. Например, цифровая валюта.

«Цифровой» означает «описывающий информацию, выраженную при помощи чисел»¹⁰. С помощью чисел возможно воспроизводить, хранить, передавать, обрабатывать любую информацию, необходимо лишь ее закодировать определенным образом. На эту особенность обращается внимание и в научной литературе. Л. В. Санникова и Ю. С. Харитоновы верно указывают: «Связь с материальным миром у объектов, существующих в цифровой форме, может проявляться и в том, что они признаются прямыми аналогами тех или иных вещей, например денег»¹¹. По мнению М. А. Рожковой,

³ СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁴ См.: Архипов В. В., Килинкова Е. В., Мелашенко Н. В. Проблемы правового регулирования оборота товаров в сети Интернет: от дистанционной торговли до виртуальной собственности // Закон. 2014. № 6. С. 120–143.

⁵ См.: Бычков А. И. Проведение расчетных операций: способы, специфика и риски. М. : Инфотропик Медиа, 2013. С. 55.

⁶ См.: Дерюгина Т. В. О специфике правоотношений в цифровой среде и цифровой личности как новом субъекте. С. 5.

⁷ См.: Дерюгина Т. В. О специфике правоотношений в цифровой среде и цифровой личности как новом субъекте. С. 5.

⁸ Gufo.me. URL: <https://gufo.me/dict/dmitriev/%D0%B2%D0%B8%D1%80%D1%82%> (дата обращения: 01.04.2023).

⁹ См.: Тумаков А. В., Петраков Н. А. Гражданско-правовые аспекты цифрового имущества // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. С. 67–72.

¹⁰ Gufo.me. URL: <https://gufo.me/dict/scientific/ЦИФРОВОЙ> (дата обращения: 01.04.2021).

¹¹ Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ : монография. М. : 4 Принт, 2020. С. 40.

«цифровизация предполагает прежде всего изменение формата или формы»¹².

В целом следует отметить, что ученые в большинстве своем не отождествляют понятия «виртуальный» и «цифровой», разграничивая их по признаку наличия или отсутствия объекта в физическом мире.

К сожалению, в практической деятельности указанные термины продолжают смешиваться. Так, в постановлении от 26.02.2019 № 1 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32»¹³ Пленум Верховного Суда РФ ввел термин «виртуальные активы», отождествив их с криптовалютой и допустив ответственность по ст. 174 и 174.1 Уголовного кодекса РФ в части отмыwania денежных средств, полученных незаконным путем¹⁴, то есть, по сути, придал виртуальной валюте режим денежных средств. Следуя логике наших предыдущих рассуждений, любой объект, который имеет материальное воплощение в электронной среде, является цифровым (то есть цифровое состояние в данном случае есть лишь средство фиксации или форма выражения физического объекта). С этих позиций суд должен вести речь о цифровых активах, а не виртуальных.

Термин «виртуальный» относится к характеристике природы объекта, в то время как «цифровой» относится к характеристике формы выражения. Виртуальному противопоставляется реальное (материальное, физическое), цифровому — аналоговое¹⁵.

Характеристика объекта как цифрового в первую очередь означает его существование в электронном виде при возможности наличия у него аналоговой формы. Яркий пример — электронные денежные средства, являющиеся лишь «агрегатным состоянием» фиатных денег. Природа же виртуального актива иная: он изна-

чально не связан с наличием материального носителя. Примером виртуального объекта служит игровая валюта, например единицы золота в компьютерной игре WarCraftIII (пример закрытой цифровой виртуальной валюты).

С точки зрения терминологии российское законодательство, по нашему мнению, верно поименовало совокупность существующих в информационных системах правовых явлений (таких как обязательственные, корпоративные и иные имущественные права) цифровыми финансовыми активами, так как принципиально новых по содержанию правоотношений не возникло, изменилась лишь форма.

По сути, об этом говорит и сам регулятор. Так, в официальном отзыве Правительства РФ¹⁶ на проект федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» указано:

1. Способ оформления различных имущественных прав.
2. Выполняют функцию фиксации принадлежности и гражданского оборота таких прав.
3. Не создают нового объекта гражданских прав.

Однако, как известно, законодатель не воспринял указанную критику и закрепил в действующем гражданском законодательстве цифровые права именно в качестве объекта гражданских прав, являющегося разновидностью «иного имущества», в частности имущественных прав.

Впрочем, на указанный момент обращается внимание и в научной литературе. В частности, авторы отмечают, что, по сути, существующая регламентация представляет собой попытку воспроизвести в цифровом праве конструкцию ценной бумаги¹⁷.

¹² Рожкова М. А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым // Закон.ру. 2018. 13 июня. URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe (дата обращения: 01.09.2023).

¹³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 4. С. 45.

¹⁴ В качестве примера см.: приговор Железнодорожного районного суда г. Пензы от 14.02.2018 и приговор Первомайского районного суда г. Пензы от 26.02.2019.

¹⁵ См.: Тумаков А. В., Петраков Н. А. Указ. соч. С. 68.

¹⁶ Официальный отзыв на проект федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», внесенный депутатами Государственной Думы В. В. Володиным, П. В. Крашенинниковым, А. Г. Аксаковым и другими, принятый Государственной Думой в первом чтении 22 мая 2018 г. // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/2F4B32FD-CA5C-4F8E-A0C9-B99E6ED68612> (дата обращения: 07.04.2023).

¹⁷ См.: Дерюгина Т. В. К вопросу о сущностных характеристиках и правовой природе цифрового права // Труды Института государства и права РАН. 2022. Т. 17. № 2. С. 35–54.

В то же время криптовалюта, подразумеваемая под легальным термином «цифровая валюта», должна в первую очередь характеризоваться свойством виртуальности хотя бы в силу того, что у нее нет реального воплощения. Такое разграничение, на наш взгляд, значительно бы упростило правоприменительную практику и решило в принципе научный спор, заключающийся в определении природы цифровых прав и других подобных объектов либо как самостоятельных новых объектов гражданских прав (как, к примеру, на это указывает статья 128 ГК РФ), либо как способа фиксации аналоговых объектов (имущественных прав).

Анализ научной литературы позволяет утверждать, что большинство авторов, рассматривая, например, цифровые права, склоняются к тому, что это всего лишь способ фиксации обязательственных прав¹⁸. К примеру, В. А. Садков, изучая природу цифрового финансового актива, указывает, что это лишь способ удостоверения имущественного права. Таким образом, с учетом приведенных выше рассуждений о соотношении терминов «цифровой» и «виртуальный», они действительно являются цифровыми.

По-иному следует рассуждать, определяя сущность цифровой валюты. В соответствии с Федеральным законом от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁹ (далее — Закон о ЦФА) цифровая валюта представляет собой определенный код, который законодатель специальным указанием отграничивает и от денежных единиц, и от иных расчетный единиц. Она не имеет аналога в физическом мире. Следовательно, применительно к категории объектов, в число которых входят криптовалюта, цифровая валюта, более правильным представляется использование характеристики «виртуальный», а не «цифровой».

С позиции проведенных рассуждений можно систематизировать объекты имущественного оборота, разделив их на цифровые (цифровые

права, включая цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права, электронные денежные средства, цифровой рубль) и виртуальные (цифровая валюта). В зависимости от этого деления необходимо устанавливать различный правовой режим указанных объектов.

Следует отметить, что первая группа объектов (цифровые) в большинстве своем поименована в ГК РФ в качестве объектов гражданских прав. Более того, ГК РФ устанавливает и их видовую принадлежность — имущественные права. Впрочем, следует отметить, что в ГК РФ не поименованы в качестве объекта гражданских прав электронные денежные средства, однако указанный вывод вытекает из ст. 3 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»²⁰, определяющей электронные денежные средства через категорию денежных средств, то есть объектов гражданских прав. Эта позиция отражена и в научной литературе²¹.

Рассматривая цифровые права в качестве объектов гражданского оборота, необходимо отметить некоторую противоречивость используемой в научной литературе терминологии. Так, ряд ученых рассматривают цифровые права как «универсальные права человека, адаптированные к условиям информационного общества, в частности право на неприкосновенность частной жизни, право на обмен информацией, право на свободу выражения в сети, право доступа к электронной сети»²². Как правило, такую позицию занимают представители науки конституционного и международного права.

Цивилисты рассматривают цифровые права как объект гражданских прав в силу прямого указания ст. 128 и 141.1 ГК РФ. В связи с тем, что автор настоящего исследования представляет частноправовую науку, цифровое право здесь и далее будет рассматриваться исключительно как объект субъективного гражданского права и объект имущественного оборота.

Из легального определения, предложенного статьей 141.1 ГК РФ, видно, что возможность

¹⁸ См., например: *Гринь О. С.* Обязательственные отношения по поводу цифровых объектов гражданских прав // *Lex russica*. 2020. Т. 13. № 19. С. 21–31.

¹⁹ СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 5018.

²⁰ СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

²¹ См.: *Шумилова В. В.* Понятие и правовая природа электронных денежных средств в Российской Федерации // *Право и экономика*. 2022. № 3. С. 34–37.

²² *Ханова В. А.* Цифровые права, как новый объект гражданских прав // *StudNet*. 2020. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prava-kak-novyy-obekt-grazhdanskih-prav-1> (дата обращения: 14.03.2021).

имущественного оборота цифровых прав напрямую связана с функционированием некой «информационной системы».

Будучи членами постиндустриального общества, субъекты права окружены различными информационными системами, к которым можно отнести: социальные сети, сервисы электронной почты, мессенджеры, облачные хранилища, различные приложения для мобильных устройств и т.д. В этой связи видится, что «обязательственные и иные права» должны признаваться цифровыми в случае их возникновения в любой из перечисленных информационных систем. Следовательно, по смыслу ст. 141.1 ГК РФ можно говорить об их оборотоспособности. Например, в некоторых информационных системах, предоставляемых операторами мобильной связи, пользователи наделены правом отчуждать остаток пакета услуг по их тарифному плану (минуты разговора, интернет-трафик, sms-сообщения) в пользу третьих лиц, являющихся абонентами данной сети. Очевидно, что в информационной системе возникают обязательственные права. Возможно ли считать их цифровыми? Де-факто да, но де-юре конструкция п. 1 ст. 141.1 предусматривает, что цифровыми правами могут являться только те, что «названы в таком качестве законом».

Следуя логике российского законодательства, нетрудно заключить, что применение понятия «цифровой» относительно каких бы то ни было объектов и правоотношений в первую очередь означает электронную форму представления данных явлений, связанную с информационными системами. Тем не менее, согласно законам диалектики, форма влияет на содержание, и наоборот. Следовательно, не исключено наличие некоторых особых свойств у цифровых финансовых активов в сравнении с «аналоговыми».

Цифровая валюта, несмотря на то, что является легализованной категорией с позиции гражданского права и отнесения к конкретной группе объектов, законодателем никак не классифицируется. Причины этого видятся в нескорректированности изменений, вносимых в действующее законодательство.

Понятие «цифровая валюта» весьма размыто. Термин «криптовалюта» (как и термин

«токен») в процессе становления Закона о ЦФА был утрачен.

Легальное определение цифровой валюты устанавливает для нее запрет выступать в качестве денежной единицы при одновременной возможности быть средством платежа. Вместе с тем российский законодатель запрещает использовать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за товары, работы или услуги, тем самым существенно сужая круг использования цифровой валюты, сдерживая ее влияние на реальную экономику. В совокупности перечисленные обстоятельства обуславливают особую природу явления, более известного как виртуальная валюта, или криптовалюта.

Анализ п. 3 ст. 1 Закона о ЦФА позволяет выделить ряд признаков цифровой валюты: существование в рамках информационной системы, функционирование которой обеспечивается операторами; возможность выступать в качестве средства платежа; отсутствие (в отличие от токенов) обязанного лица; не являются государственными денежными единицами или международными расчетными единицами.

Рассматривая цифровую валюту с позиции объекта гражданских прав, можно констатировать, что она обладает всеми признаками объекта (дискретность, системность, юридическая привязка²³). Необходимо отметить, что ее отсутствие в качестве объекта в ст. 128 ГК РФ обусловлена скорее историей становления указанной дефиниции, которая «выросла» из криптовалюты.

В свое время Министерство финансов России предлагало рассматривать цифровую валюту как иное имущество (в рамках классификации, предложенной статьей 128 ГК РФ) и классифицировать ее как актив²⁴, что было воплощено 28 декабря 2017 г. Минфином России и Банком России в первом законопроекте о правовом регулировании использования цифровых технологий в финансовой сфере. Именно в нем была впервые реализована идея о различном регулировании цифровых активов (токенов) и цифровых валют, при этом цифровая валюта рассматривалась как разновидность цифрового актива. Однако 31 июля 2020 г. указанный законопроект, пройдя все этапы законо-

²³ См.: Лапач В. А. Система объектов гражданских прав. Теория и судебная практика. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002.

²⁴ URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2017/08/28/731258-minfin>.

творческого процесса, был подписан в качестве Федерального закона № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в результате чего формальное закрепление как разнородные категории получили цифровые финансовые активы и цифровая валюта.

Проект Закона о ЦФА прямо указывал на то, что «цифровыми финансовыми активами являются криптовалюта, токен». В действующей редакции легальные определения данных понятий отсутствуют. Кроме того, регулятор намеренно вывел криптовалюты, завуалированные в Законе о ЦФА под «цифровые валюты», за рамки цифровых финансовых активов, дав им отдельное определение.

Таким образом, анализ цифровых и виртуальных объектов позволяет сделать вывод не только о различии указанных понятий, но и о нетождественной правовой природе указанных объектов гражданских прав и гражданского оборота.

Исходя из этого, следует говорить о двух механизмах правового регулирования отношений.

Специфика правового регулирования правоотношений, складывающихся по поводу цифровых и виртуальных объектов

В отличие от большинства ученых, рассматривающих цифровые объекты лишь как способ фиксации имущественных прав, мы полагаем, что использовать лишь традиционные средства правового регулирования в этих правоотношениях нельзя.

Любое правоотношение как форма реализации права характеризуется своим субъектом, объектом и содержанием (правами и обязанностями сторон). С этих позиций цифровое правоотношение не отличается от иных правоотношений, имеющих сходный объект. Например, договор купли-продажи товара, заключенный непосредственно в магазине и на интернат-площадке с использованием цифровых технологий, имеет: один и тот же объект в виде получения в собственность того или иного материального блага (товара); определенный состав субъектов (продавец и покупатель); сходное содержание. Таким образом, структура цифрового правоотношения не отличается от «традиционного» правоотношения. Однако есть и различия:

— взаимодействие осуществляется в информационной среде;

— средством, способствующим осуществлению прав и исполнению обязанностей, являются цифровые технологии;

— покупатель и продавец находятся территориально в разных местах и могут не иметь представления о месте нахождения друг друга, что с позиции права затрудняет определение места передачи товара, предъявления претензий, направления уведомлений и пр.;

— хотя субъекты и проходят идентификацию, достоверно установить их личности, как правило, невозможно;

— на правоотношения могут влиять субъекты, являющиеся обладателями прав на электронные площадки, где стороны вступают в правоотношения. В целом круг участников цифрового правоотношения шире «традиционного». Сюда можно включать и субъекты, осуществляющие доступ к сетевым протоколам и веб-сервисам, и информационных посредников и др.

Все указанные факторы формируют особенности цифрового правоотношения.

Пожалуй, из всех перечисленных выше признаков цифрового правоотношения ключевыми (конституирующими) являются наличие особой сферы (информационной, где возникают, изменяются и прекращаются правоотношения) и использование цифровых технологий как средств, обеспечивающих осуществление прав и исполнение обязанностей. Именно эти факторы позволяют утверждать, что речь идет о цифровом правоотношении.

Указанные признаки, в свою очередь, влияют на содержание правоотношения. Например, если в «традиционном» правоотношении при отсутствии указания места передачи товара можно воспользоваться общим указанием закона, то в цифровом правоотношении руководство общими положениями может привести к невозможности исполнения обязательства в том случае, например, если продавец находится в Китае, а покупатель в России. Следовательно, в цифровом правоотношении появляется совокупность условий (существенных условий), которые необходимо согласовать и которые непосредственно влияют на исполнение обязательства.

Цифровые правоотношения систематизируются по тем же основаниям, что и «традиционные» правоотношения (имущественные и неимущественные, абсолютные и относительные и пр.).

Даже в тех ситуациях, когда объектом правоотношения выступает цифровой товар

(например, цифровое право), ни структура правоотношения, ни видовая принадлежность правоотношения не меняется. Исходя из того, что цифровое право — имущественное право, это будут имущественные правоотношения.

Полагаем, что механизм правового регулирования напрямую зависит от видовой принадлежности объекта гражданского оборота, независимо от того, относится ли он к разряду цифровых или виртуальных объектов. В случае с цифровыми объектами законодатель может использовать традиционные средства правового регулирования с учетом обозначенной нами специфики цифрового правоотношения. Относительно виртуальных объектов необходимы новые средства с учетом того, что их оборот осуществляется полностью в электронном пространстве и не имеет воплощения в физическом мире.

Заключение

Появление новых объектов гражданского оборота требует новых подходов к правовому регулированию возникающих относительно них правоотношений. Однако создание эффективного правового режима невозможно без теоретического осмысления ряда правовых категорий, без установления единства категориального аппарата. В связи с этим в работе проведено разграничение категорий «цифровой объект» и «виртуальный объект»: цифровой объект пред-

ставляет собой цифровой аналог объекта, существующего в физическом мире, тогда как виртуальный такого аналога не имеет. В соответствии с этим цифровые права, включая утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы, электронные денежные средства и цифровой рубль, следует рассматривать как способ фиксации имущественного права, а цифровую валюту — как новый объект гражданских прав. Природа указанных объектов нетождественна, что позволяет говорить о двух механизмах правового регулирования отношений с указанными объектами.

При создании механизма правового регулирования цифрового или виртуального правоотношения необходимо учитывать их специфику: место вступления в правоотношения (информационная среда); цифровые технологии как средство взаимодействия; неопределенность юрисдикции; проблемы идентификации; влияние на возникающие правоотношения субъектов — обладателей прав на электронные площадки, где стороны вступают в правоотношения. В целом круг участников цифрового правоотношения шире «традиционного». Сюда можно включать субъекты, осуществляющие доступ к сетевым протоколам и веб-сервисам, а также информационных посредников и др.

Помимо этого, механизм правового регулирования напрямую зависит от видовой принадлежности объекта гражданского оборота, вне зависимости от того, относится ли он к разряду цифровых или виртуальных объектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архипов В. В., Килинкарлова Е. В., Мелашенко Н. В. Проблемы правового регулирования оборота товаров в сети Интернет: от дистанционной торговли до виртуальной собственности // Закон. 2014. № 6. С. 120–143.
- Бычков А. И. Проведение расчетных операций: способы, специфика и риски. М. : Инфотропик Медиа, 2013. 355 с.
- Гринь О. С. Обязательственные отношения по поводу цифровых объектов гражданских прав // Lex russica. 2020. Т. 13. № 19. С. 21–31.
- Дерюгина Т. В. К вопросу о сущностных характеристиках и правовой природе цифрового права // Труды Института государства и права РАН. 2022. Т. 17. № 2. С. 35–54.
- Дерюгина Т. В. О специфике правоотношений в цифровой среде и цифровой личности как новом субъекте // Цивилист. 2024. № 1. С. 4–9.
- Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. Столичный выпуск. № 7578 (115). 29.05.2018. С. 2–10.
- Лапач В. А. Система объектов гражданских прав. Теория и судебная практика. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002. 544 с.
- Рожкова М. А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым // Закон.ру. 2018. 13 июня. URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe (дата обращения: 01.09.2023).
- Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ : монография. М. : 4 Принт, 2020. 440 с.

Тумаков А. В., Петраков Н. А. Гражданско-правовые аспекты цифрового имущества // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. С. 67–72.

Ханова В. А. Цифровые права, как новый объект гражданских прав // StudNet. 2020. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prava-kak-novyy-obekt-grazhdanskih-prav-1> (дата обращения: 14.03.2021).

Шумилова В. В. Понятие и правовая природа электронных денежных средств в Российской Федерации // Право и экономика. 2022. № 3. С. 34–37.

REFERENCES

Arkhipov VV, Kilinkarova EV, Melashchenko NV. Problems of legal regulation of the turnover of goods on the Internet: from distance trading to virtual property. *Zakon*. 2014;6:120-143. (In Russ.).

Bychkov AI. *Conducting settlement operations: methods, specifics and risks*. Moscow: Infotropik Media Publ.; 2013.

Deryugina TV. On the question of the essential characteristics and legal nature of digital law. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 2022;17(2):35-54. (In Russ.).

Deryugina TV. On the specifics of legal relations in the digital environment and the digital personality as a new subject. *Civilist*. 2024;1:4-9. (In Russ.).

Grin OS. Legally Binding Relationships with regard to Digital Objects of Civil Rights. *Lex russica*. 2020;13(19):21-31. (In Russ.).

Khanova VA. Digital rights as a new object of civil rights. *StudNet*. 2020;10. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prava-kak-novyy-obekt-grazhdanskih-prav-1>. (In Russ.). [Accessed 14.03.2021].

Lapach V A. *The system of objects of civil rights. Theory and judicial practice*. St. Petersburg: Law Center-Press Publ.; 2002. (In Russ.).

Rozhkova MA. Digital assets and virtual property: How the virtual correlates with the digital. *Zakon.ru*. 13 June 2018. Available at: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnosit_sya_virtualnoe. (In Russ.). [Accessed 01.09.2023].

Sannikova LV, Kharitonova YuS. *Digital assets: legal analysis*. Moscow: 4 Print Publ.; 2020. (In Russ.).

Shumilova VV. The concept and legal nature of electronic money in the Russian Federation. *Pravo i ekonomika*. 2022;3:34-37. (In Russ.).

Tumakov AV, Petrakov NA. Civil law aspects of digital property. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;4:67-72. (In Russ.).

Zorkin VD. Law in the digital world. Reflections on the sidelines of the St. Petersburg International Legal Forum. *Rossiyskaya Gazeta. Capital issue*. No. 7578 (115). 29 May 2018:2-10. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тумаков Альберт Владиславович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя д. 12, Академика Волгина ул., г. Москва 117437, Российская Федерация
albert-tumakov@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Albert V. Tumakov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russian Federation
albert-tumakov@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 5 февраля 2024 г.

Статья получена после рецензирования 6 марта 2024 г.

Принята к печати 15 июня 2024 г.

Received 05.02.2024.

Revised 06.03.2024.

Accepted 15.06.2024.